

З. И. РОГИНСКИЙ
(Ярославль)

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПРОТЕКТОРАТА КРОМВЕЛЯ

Настоящее сообщение, не претендуя на полноту изложения затронутой здесь проблемы, касается лишь некоторых малоисследованных моментов истории англо-русских отношений в период протектората Кромвеля, в частности вопроса о том, как на эти отношения влияла информация о событиях в Англии, поступавшая в Москву.

Дипломатические отношения между Англией и Россией в рассматриваемый период (декабрь 1653 г.— сентябрь 1658 г.) сводились, в основном, к отправке Кромвелем в Россию посланников Уильяма Придо и Ричарда Бредшоу, причем первый из них добился известного успеха и в 1655 г. был принят при дворе русского царя, а второй, бесцельно пробыв, по пути к Москве, на побережье Прибалтики с конца мая 1657 г. до начала 1658 г., так и не был под различными предложениями допущен в Россию.

Следует сказать, что упомянутые посольства довольно обстоятельно изучены в исторической литературе, прежде всего в работах И. И. Любименко¹ и в статье С. И. Архангельского о переговорах дипломатов Кромвеля с Москвой². Но в этих, как и в других, более общих работах основную сущность англо-русских отношений в интересующий нас период усматривают главным образом в усилиях правительства Кромвеля восстановить привилегии Московской компании в России и в противодействии этому русскому правительству. Правда, при описании миссии Ричарда Бредшоу С. И. Архангельский упоминает и о том, что, посылая его в Москву, Кромвель желал также помирить Россию с Швецией и тем самым вывести Москву из враждебной шведам коалиции держав. Но все же вопрос о восстановлении торговых привилегий английских купцов в России представляется ему для того времени определяющим. Политическая сторона дела при этом отходит на задний план, да и сами экономические отношения рассматриваются слишком узко. Было бы, конечно, совершенно неправильным отрицать большой интерес англичан к русскому рынку. Русские товары, особенно мячовый лес, смола, пенька, холст, т. е. то, что особенно нужно было для оснащения флота, имели в глазах английского правительства огромную и давно признанную ценность. Еще в начале XVII в. купцы Московской компании, прося королеву Елизавету назначить в Россию специального агента с целью улучшения англо-русских отношений, обосновывали свою просьбу тем, что «ее величество для своих важных дел по защите своих владений от вторжений и козней короля испанского и папы, ее известных врагов, было хорошо

¹ I. Lubimenco. *Anglo-Russian Relations During the First English Revolution.*— «Transactions of the Royal Historical Society», Fourth Series, vol. XI. London, 1928, p. 39—59; I. Lubimenco. *Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand.* Paris, 1933, ch. XIV; «Англия и Россия в XVII в.» — глава в двухтомнике «Английская буржуазная революция XVII века», под редакцией Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. М., 1954, т. II, стр. 105—110.

² С. И. Архангельский. *Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой.*— «Исторические записки АН СССР», вып. 5, 1939, стр. 118—140.

снабжено добрыми стараниями своих купцов, торгующих с Россией... такелажем оттуда для своего флота (опоры своего королевства), таким хорошим и дешевым, что ни один государь не обслуживался подобным образом»³.

Признаниями важности московского рынка для Англии пестрят разнообразные английские документы: дела государственного совета, парламентские протоколы, бумаги адмиралтейства, петиции купцов и т. д. Об этом свидетельствует, например, и относящийся ко времени протектората, датированный февралем 1654 г., документ адмиралтейства, в котором с тревогой указывается на нехватку в стране пеньки и канатов, цены на которые могут возрасти «в связи с войной между Московским государством и Польшей»⁴.

Упрочение связей с Россией имело, однако, для правительства Кромвеля не только экономическое, но и серьезное политическое значение, так как доказало бы, что правительство протектората может ничуть не хуже королевского представлять и защищать интересы английского государства за границей. Защита же интересов английского купечества в России должна была привлечь эти слои буржуазии на сторону Кромвеля и, следовательно, способствовать расширению социальной базы протектората. Настаивая на восстановлении свободы торговли английских купцов в России, Кромвель придавал этому вопросу государственное значение. «Мы ищем покою и доброго хотенья к нашим торговым людям не токмо которые дома, а и в иных государствах и ведаем то, что торговля и торг есть истинно то, чем выжгутца государства вместе и что чинит им богатство и благодать»⁵.

Посылая в Москву Уильяма Придо, протектор явно, наряду с защитой интересов английских купцов в России, стремился добиться признания своего правительства, чего фактически он и достиг. В этом и заключался главный успех посольства Придо, увезшего Кромвеля от Алексея Михайловича грамоту, начинавшуюся словами: «И мы, Великий государь, наше царское величество то от вас Владетеля, что вы с нами Великим государем дружбы и любви ищите, принимаем в любовь. И в дружбе и в любви и в ссылке с вами протектором быти хотим и поздравляем вас на ваших владетельствах, в чем вас бог устроил»⁶. И хотя о восстановлении торговых привилегий англичан в России в царской грамоте дан был весьма уклончивый ответ, а приведенная выше фраза, с точки зрения официальной московской дипломатической терминологии, звучала довольно сомнительно (Кромвеля называли просто «владетелем», тогда как английских королей цари именовали «любительными братьями»), все же царь, обращаясь к Кромвелю, называл, а тем самым и признавал его владетелем «пад статы Аглинской, Шотландской и Ирландской земель и государств, которые к ним пристали».

Данные английских документов, в частности материалы семитомного собрания архива Джона Терло⁷, государственного секретаря, ведавшего в период протектората Кромвеля секретной разведывательной службой Англии за границей, показывают, как тщательно правительство Кромвеля собирало и изучало все сообщения о событиях внутренней жизни и о внешней политике России, о русско-польских, русско-шведских, русско-голландских отношениях, о действиях русских войск и т. д. Несколько менее обширной, но все же довольно значительной информацией об Англии располагало и московское правительство.

Впервые имя Кромвеля появляется в русских источниках уже в конце 40-х годов XVII в. Летом 1649 г. в одном из печатных «вестовых листов», переведенном в Посольском приказе, упоминается полковник Кромвель, которому «вскоре в Брлянскую землю итти, только он хочет наперед деньги имати и всякими запаси и надоби запасен быти»⁸.

³ Цит. по рукописному сб. документов «Торговля англичан в России в XVI и XVII вв.», подготовленному И. И. Любименко.— Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, стр. 278.

⁴ «Calender of State Papers, Domestic Series», 1655, p. 426.

⁵ Центральный Государственный Архив Древних Актов (далее — ЦГАДА), ф. 35. Сношения с Англией, 1654—1655 гг., д. 2(183), л. 47.

⁶ Там же, л. 69.

⁷ «Collection of State Papers of John Thurloe», vol. I—VII. London, 1742.

⁸ ЦГАДА, ф. 155, Иностранные ведомости (куранты) и газеты, 1649 г., д. 1, л. 59.

Год спустя, 20 апреля 1650 г., в связи с предстоящим приездом в Москву посла будущего Карла II лорда Коллсопера, один из членов Московской компании — Джон Гебдон (остававшийся в Москве и даже выполнявший серьезные поручения московского правительства, а заодно всячески, и словом и делом, содействовавший сыну казненного короля), будучи принят в Посольском приказе, следующим образом характеризовал происходящие в Англии события: «А худые де люди, воры изо всяких чинов, которые в солдатах и которые от того междоусобия грабежом наполнилися и учали жити в большихи прохладами и те де хотят тово, чтоб над ними никакова начала не было. А владеть бы де им вором самим. И в том де большая межды их рознь и междоусобие.

А начальной де ныне у них человек Кромвель и тот де из обышних людей»⁹.

В последующие годы, вплоть до провозглашения Оливера Кромвеля лордом-протектором Англии, русское правительство продолжало внимательно следить за всеми перипетиями его борьбы против сторонников короля. Эта информация поступала в Москву главным образом от купцов и иностранных дипломатов, из приходивших в Посольский приказ «вестовых листов» и иностранных газет, а также от находившихся на русской службе английских, большей частью шотландских, офицеров, стремившихся своей информацией опорочить республику и Кромвеля. Аналогичный характер носили и сообщения, шедшие из Швеции. Именно оттуда, в частности, поступила после казни короля Карла I явно роялистская листовка, озаглавленная: «Сказание как аглинского короля Карлуса Стюверта казнили и что его величества последние слова были».

Об этом «Сказании», ранее хранившемся среди рукописей Архангельской епархиальной семинарии, а после Великой Октябрьской революции попавшем, в составе большого рукописного собрания, в рукописное отделение библиотеки Академии наук в Ленинграде, сообщил М. П. Алексеев¹⁰. Он же высказал предположение о том, что, возможно, этот перевод «Сказания» восходит к более раннему русскому его списку, который может храниться в Посольском приказе. Предположение Алексеева оказалось верным. Нам удалось обнаружить эту листовку, переведенную на русский язык «с печатного листа с швейского языка», в фонде иностранных ведомостей (курантов) и газет¹¹. Здесь и в других фондах Посольского приказа содержатся многие материалы, из которых московские государственные деятели черпали свои представления о ходе и событиях Английской буржуазной революции, о Кромвеле и деятельности его правительства. Следует заметить, что с осени 1653 г., когда между Швецией и Англией наступило сближение, шведская информация об Английской республике и протекторате Кромвеля приобрела совершенно иной, вполне благожелательный характер. В этой связи большой интерес представляет «вестовое печатное письмо, что подал в Посольском приказе швейский комиссар Яган Деродес» 20 февраля 1654 г.¹²

В этом «вестовом письме» излагались события, происходившие в Лондоне 16 декабря 1653 г., т. е. события, связанные с провозглашением Кромвеля лордом-протектором Англии. Стоит отметить, что в начале 1654 г. шведское правительство уже знало о намечавшемся назначении в Россию английского посланника. Поэтому можно предположить, что передача названного документа в Посольский приказ преследовала цель представить Кромвеля и его правительство в наиболее благоприятном свете. Приведем некоторые наиболее выразительные строки из этого документа. Заглавие документа гласит: «Дивное пременение в Аглинской земле где

⁹ ЦГАДА, ф. 35, Сношения с Англией, 1650 г., д. 2(176), л. 15.

¹⁰ М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII веков.— «Ученые записки ЛГУ», серия историч. наук, выд. 15, 1948. стр. 93—102.

¹¹ ЦГАДА, ф. 155, Иностранные ведомости (куранты) и газеты. 1649 г., д. 1, л. 30—35.

¹² ЦГАДА, ф. 96, Сношения с Швецией, 1654 г., д. 3, л. 23—32. Об этом документе сообщил А. С. Кан в заметке, озаглавленной «Сведения русских об английской революции» (см. «Известия АН СССР», серия ист. и филос. т. VI, 1949, № 5). Однако А. С. Кан не сопоставляет найденный им в «Шведских делах» документ с другими архивными материалами, отражающими информацию московского правительства об английской революции, что снижает, на наш взгляд, значение его сообщения.

Кромвель декабря в 26 день¹³ 1653 году учинен оборонителем Аглинские, Шкотцкие и Ирлянские земли с великою силою, что некоторому королю такая великая сила не бывала».

В «вестовом письме» довольно подробно описывается шествие Кромвеля, церемония в парламенте, излагаются некоторые пункты новой конституции и рассказывается об отношении к лорду-протектору народа, когда он и сопровождавшие его лица возвращались из парламента. «А по улицам, коими они шли, была великая радость да стрельба. А как его высочество господин оборонитель назад в Витгал пришел и он с теми людьми, которые с ним были, к банкетному двору пошел и тут возпоминание слушали, а говорил то возпоминание мастер Локирь, его высочества канцелян, а после того пошли они оттуда прочь, а солдаты троежды выстрелили. Вечеру меж четырьмя и пятью часами и в городе Лундене и около Лундена у жильцов и у салдатов неизбыклая радость была о сем счастливом дни». С этим «вестовым письмом» ознакомилось московское правительство и сам государь. На обороте первого листа перевода надпись: «государю чтено».

Однако московское правительство получало, и притом довольно часто, информацию, враждебную Английской республике и протектору Кромвелю. Эта информация исходила прежде всего от оставшихся в России купцов Московской компании, в частности от Джона Гебдона, Джона Асборна, Ричарда Адамса и других. Имена этих купцов часто встречаются в делах Посольского приказа за интересующий нас период, причем в контексте, не оставляющем сомнений в их монархических симпатиях. Подобную же информацию распространяли также находившиеся на московской службе офицеры и генералы, большей частью выходцы из Шотландии; некоторые из них приезжали в Москву, снабженные рекомендательными письмами Карла II Стюарта. Так, например, в 1656 г. приехавший на государеву службу шотландец Дольяс привез царю от Карла письмо следующего содержания: «Не хотели мы его отпустить без наших грамоты до вашего царского величества, чтобы ведомо было вашему царскому величеству как восстали на нас бунтовщики и он нам служил верою и правдою и много стоял своим умом против наших бунтовщиков»¹⁴.

Одним из слухов, способствовавших созданию в Москве атмосферы настороженности по отношению к Англии, было, в частности, особенно настойчиво распространяемое английскими монархистами ложное сообщение о подготавливаемой Кромвелем интервенции против русского Севера.

Исследователи правильно указывают на то, что Москва держалась выжидательной политики в отношении Английской республики, международное значение которой становилось все более очевидным¹⁵, хотя в целом 50-е годы были временем значительного охлаждения отношений между Русским государством и Англией. Московское правительство, лишая англичан их бывших преимуществ в России, могло руководствоваться при этом многими обстоятельствами: фискальными интересами своей казны, желанием помочь укреплению позиций собственного купечества, легитимистскими мотивами. Но наряду с этим одной из весьма важных причин лишь частичного успеха Уильяма Придо и полной неудачи второго английского дипломата, посланного Кромвелем в Москву, — Ричарда Бредшоу были как раз настороженность и недоверие к Кромвелю, вызванные слухами о его агрессивных намерениях в отношении России.

Подобные слухи возникли еще до установления протектората и вначале касались вообще революционной Англии. Так, уже в 1652 г. архангельский воевода Борис Пушкин и дьяк Иван Ларионов сообщали царю Алексею Михайловичу о принятых мерах для выполнения полученного из Посольского приказа 18 сентября 1652 г. предписания «про аглинские, воровские корабли проведывать всякими мерами накрепко, и на море от устей ото всех посылать отъезжие караулы и того

¹³ Дата шведского документа «26 декабря» указывается по григорианскому календарю, тогда еще не принятому в Англии, и соответствует дате «16 декабря» в английских документах.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 35, Сношения с Англией, 1656 г., д. 1(184), л. 19.

¹⁵ Ср. С. И. Архангельский. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой. — «Исторические записки АН СССР», 1939, вып. 5, стр. 131.

беречь накрепко, чтоб те воровские люди на караблех к Архангельскому городу безвестным делом не пришли и дурна какова не учинили»¹⁶. Но и до получения этого предписания, как явствует из дальнейшего текста цитируемого письма, в Архангельске были приняты серьезные меры как разведывательного, так и оборонительного характера: «А в Архангельском, государь, городе, от приходу воинских воровских караблей служилым людям пушкарем и стрельцом с ружьем велели мы холопи твои на городе быть беспрестанно днем и ночью и наряд по городу поставили и зелья и ядра пушкарем дали и во всем велели от приходу воинских воровских караблей стоять бережно»¹⁷.

А в 1654 г. новгородский воевода Яков Буйносов-Ростовский и дьяк Василий Шпилькин в грамоте на имя царя Алексея Михайловича сообщали со слов приехавшего из Колывани (ныне г. Таллин) купца Петра Микляева, что 6 июля этого же года «сказывал ему Петру Кольванский ратман Корт Мыслер втайне и бил челом тебе государь, чтоб ништо про ево имя не ведал. О таких делах писал к нему из Гданска Польска, торговой верной человек и не велел ныне ему у города Архангельсково товару купить нисколько потому что к ним во Гданско письмо есть из Аглинской земли, что Крумвель хочет одноконечно посылать к городу Архангельскому сто караблей воинских с людьми, а на тех де караблей хотят поставить влаги [флаги] торговых караблей и хотят они у города Архангельского, что не есть твоей государевы казны и с иных торговых людей товаров воровством пограбить и пограбя ехать назад, а свейским де торговым людям то гораздо будет добро, что у города [Архангельска] торговлю розорят для того, чтоб товары все шли через их землю»¹⁸.

На обороте приведенного сообщения пометка: «государь слушал, указал отписать к бояром, велеть послать грамоту на Двину, велеть жить с великим береженьем».

Как явствует из письма новгородского воеводы, слухи об агрессивных замыслах Кромвеля курсировали не ослабевая, причем эти замыслы изображались направленными не против отдельных русских купцов, а против «государевы казны», и шведы характеризовались единомышленниками протектора, которым важно было уничтожить Архангельск и ликвидировать на севере выход России на европейские рынки. Пометка на обороте письма свидетельствует о том, что намерению Кромвеля напасть на Архангельск государь придавал серьезное значение; подобные известия систематически раздували английские роялисты в Москве. Так, например, 17 июля 1654 г. Джон Гебдон сообщал в Посольском приказе думному дьяку Алмазу Изанову и дьяку Ивану Плакидину, что «Крумвель будто послал 25 караблей, чтоб теми карабля торг помешать у Архангельского города и ходу помешать галанским и амбургским и иных земель караблем»¹⁹. При этом Гебдон ссылаясь на английского купца Хойта из Руродива (г. Нарва), который в свою очередь упоминал о сообщении из Гамбурга.

Возможно, не без содействия тех же роялистски настроенных англичан, живших в Москве, в июле 1654 г. из Гамбурга поступило сообщение о том, что подготовленные в гамбургском порту для отправки в Архангельск корабли с товарами не вышли в море, напуганные тем, что-де «выслал нынешней владетель Аглинской земли протектор Оливер Крумвель сорок караблей на большое море, а для чего де выслал и того де не ведомо»²⁰.

Все эти вести — иногда, впрочем, довольно туманные и, однако, достаточно тревожные — соответствующим образом настраивали русское правительство, которое, находясь под их впечатлением, вскоре принимало посланника Кромвеля Уэльяма Придо.

Атмосфера недоверия к Кромвелю еще более сгустилась ко времени отправки в Москву посланника Бредшоу.

Из сообщений по интересующему нас вопросу, поступивших к этому времени в Посольский приказ, приведем лишь два небольших отрывка из статейного списка

¹⁶ ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1652 г., д. 123, л. 103.

¹⁷ Там же, л. 104.

¹⁸ ЦГАДА, Малороссийский приказ, 1654 г., стб. 5824/13, л. 50.

¹⁹ Там же, л. 55, 56.

²⁰ Там же, л. 150.

князя Даниила Мышецкого, ездившего из Москвы посланником в Данию в 1656—1657 гг. Посланник записал, что приехавший в Данию английский полковник Франц Графорт, служивший ранее в царском войске, говорил ему, что он «слышал де от английских своих от служилых и торговых иноземцев, которые ныне здесь, писали де к ним из Англинские земли, что Крумвель их готовит ныне к Швецкому королю на помощь несколько караблев с воинскими людьми и хочет их на государевы украины к Архангельскому городу да к Кольскому острогу, да к Никольскому монастырю, что за Колою стоит на те места, на все вдруг, тайным обычаем извезуть послати, чтобы де ему тем от Лифлянские стороны его государеву делу поруха учинить»²¹.

А 16 июля 1657 г. к посланнику приехал от датского короля гофмейстер, который в разговоре с ним сказал: «Послан ныне к великому государю, к его царскому величеству от аглинсково Крумвеля посол. И королевское де величество про него Крумвеля ему великому государю ево царскому величеству объявляют, что с швецким у него королем учинено соединство крепкое и в нынешних ему делах во всем чинит большое вспоможение, а посла он ныне своего послал к нему великому государю к его царскому величеству по умышлению с швецкого короля, чтобы им некаким своим вымыслом их государским делам поруха какая учинити. И о том бы тебе к нему великому государю, к ево царскому величеству для ведома отписать, чтобы ево царское величество велел от него Крумвеля во всем опасенья держати. и послу его веры поняти не велел»²².

Следует заметить, что попытки агрессивно настроить Кромвеля против русского государства действительно имели место. Для Швеции перенесение русской транзитной торговли из Белого моря в Балтийское предвещало огромные экономические выгоды. Шведское правительство неоднократно поручало своим дипломатам в Москве Померенингу и де Родесу уговорить иностранных купцов, торговавших в России, перенести свою торговлю на Балтику. Шведские политические деятели, в частности Эрик Оксеншерна (губернатор Эстляндии, а с 1654 г.— канцлер короля Карла X Густава), считали, что англичане, потерявшие в 1649 г. в России свои торговые привилегии, пойдут навстречу стремлениям Швеции и помогут ей не только в перенесении путей русской торговли, но и в прямой ликвидации Архангельска. Последнее было открыто предложено правительству Кромвеля в начале 1655 г., когда шведский посол в Лондоне Кристер Бонде, обсуждая с представителями Кромвеля пункты англо-шведского договора, внес также предложение о том, чтобы английский военный флот немедленно двинулся на Архангельск, захватил все находящиеся в этом порту корабли и товары, а затем уничтожил своей артиллерией порт и самый город. Об этом, опираясь на источники, сообщает проф. О. Л. Вайнштейн²³. Но О. Л. Вайнштейн считает, что меры по усилению обороны Архангельского порта, предпринятые московским правительством в 1654 г., явились следствием дошедших до Москвы слухов о шведских замыслах и интригах в отношении Архангельска, между тем, как это совершенно очевидно из приведенных выше данных, оборонительные мероприятия были осуществлены на Севере прежде всего в связи с ложными слухами о подготавливаемой агрессии со стороны Кромвеля.

Возвращаясь к вопросу о домогательствах шведов в Англии, отметим, что Кромвель, выразив на словах сочувствие шведским замыслам, ничем не помог их осуществлению и фактически отверг их. Столкновение с Россией не соответствовало его экономическим и политическим интересам. По той же причине Кромвель отверг настойчивые попытки Польши использовать его в борьбе Польши против Русского государства. Попытка реализовать это намерение связана с миссией польского резидента в Голландии Де Биз, который, приехав в марте 1655 г. в Лондон, на протяжении нескольких месяцев безуспешно добивался свидания с лордом-протектором. О цели этого свидания сообщали государственному секретарю Терлю его агенты

²¹ ЦГАДА, ф. 53, Сношения с Данией, 1656 г., д. 12, л. 110.

²² Там же, л. 171—об., 172—об.

²³ О. Л. В а й н ш т е й н. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в.— «Ученые записки ЛГУ», серия историч. наук, вып. 13, 1954, стр. 175—176.

из Голландии задолго до отъезда Де Биэ в Англию. В одном из таких агентурных сообщений, направленном из Гааги 8 января 1655 г., мы читаем: «Лорд Биэ, являющийся здесь резидентом польского короля, намеревается отправиться в Англию, чтобы от имени своего короля приветствовать и поздравить лорда-протектора; в действительности же он едет для того, чтобы настроить его против москвитов и побудить его послать флот в Архангельск и этим отомстить за англичан, которых изгнал великий князь Московский... Если лорд-протектор пойдет на то, чтобы напасть на москвитов, это навеки изгонит англичан [из России] и принесет пользу купцам Голландии и других стран, в частности французам, ибо купцы этих наций таким образом окажутся в лучшем положении. К тому же англичане не должны забывать того, что король Польши в свое время организовал сбор средств в пользу короля Шотландии»²⁴.

Будучи в Англии, Де Биэ 29 марта передал Оливеру Кромвелю письмо, содержание которого представляет большой интерес. Приведем из него некоторые наиболее важные для нашей темы выдержки.

В письме довольно много говорится о столкновениях между Россией и Речью Посполитой и, между прочим, упоминается о том, что московский государь де «подстрекнул мятежных казаков поднять оружие против святого королевского величества»²⁵. Напомним, что за год с небольшим до того произошло воссоединение Украины с Россией. Быть может, это и послужило главной причиной или во всяком случае одной из причин, побудивших польское правительство попытаться привлечь к своей борьбе против России кромвелевскую Англию.

Говоря о военных успехах России и ее усилении, автор письма продолжает: «Отсюда ваша светлость легко может заключить, насколько и вашей светлости и государству английскому полезно, чтобы в ущерб соседним королевствам и самой Британии московское могущество не возросло беспредельно, чтобы впоследствии Москве, если она захватит провинции Польши и Литвы и подчинит их себе, не было бы слишком поздно и тяжело сопротивляться...

Поэтому святое королевское величество, милостивейший мой господин уверен и крепко надеется на то, что ваша светлость отнюдь не намерена будет позволить посылать москвиту помощь, помогать ему оружием или разрешать вывозить из Англии солдат. А напротив, когда москвит все силы, какие он только имеет, направит в Литву, оставив открытыми все остальные части своего государства, мне кажется, возникнет удобный случай для вашей светлости отомстить за несправедливости, умножить свою славу и расширить Британскую империю. В этом, надеюсь, ваша светлость легко позволит себя убедить, чтобы флотом всего из нескольких кораблей напасть на московский порт Архангельск и направить против него некоторые военные силы»²⁶.

Но доводы Де Биэ не подействовали: Кромвель не ответил и даже не принял его.

Судя по сообщению из Гааги от 6 июля 1655 г., Де Биэ, возвратившись в Голландию, не скрывал постигшей его неудачи и того, что все его усилия добиться от лорда-протектора положительного ответа или хотя бы личной встречи с ним ни к чему не привели. «Лорд Ньюпорт, с которым Биэ вел переговоры, сообщил ему, что им был получен определенный наказ не только не приглашать, но прямо отказать ему в аудиенции»²⁷.

В числе доводов, приводимых Де Биэ с целью убедить Кромвеля присоединиться к Польше и выступить против России, фигурирует, как мы видели, и упоминание об освободительной войне запорожского казачества против Речи Посполитой. Но едва ли этот довод мог быть сочувственно воспринят Кромвелем. О его отношении к Богдану Хмельницкому и к борьбе запорожского казачества с Речью Посполитой позволяет судить дошедшее до нас в изложении современника обращение из его, к сожалению, не сохранившегося послания к Хмельницкому:

²⁴ «Collection of State Papers of John Thurloe», vol. III, p. 50.

²⁵ Ibid., p. 313.

²⁶ Ibid., p. 314.

²⁷ Ibid., p. 595.

«Богдан Хмельницкий,— гласят первые строки этого обращения,— божиею милостию генералиссимус войска и древней греческой религии и церкви, вождь всех запорожских казаков, гроза и искоренитель польского дворянства, завоеватель крепостей, истребитель римских священников»²⁸.

Несомненно, ненависть запорожского казачества и лично Богдана Хмельницкого к католическому духовенству имела в глазах Кромвеля особую ценность, поскольку интерес к запорожскому казачеству в значительной степени определялся стремлением Кромвеля сллотить вокруг себя все силы, могущие войти в антикатолическую, иначе говоря, антигабсбургскую коалицию, над созданием которой он, как известно, не переставал трудиться на протяжении всего своего пребывания у власти. В этой связи его планам вполне соответствовало объединение Украины с Россией и их совместная война против Речи Посполитой. Его удовлетворяло и то превосходно известное ему обстоятельство, что в Москве с отвращением относились к «папешской вере», т. е. к католицизму.

Таким образом, можно предполагать, что среди мотивов, которыми Кромвель руководствовался, стремясь установить с Русским государством контакт, далеко не последнее место занимали желание и надежда видеть Россию в составе антигабсбургской коалиции. Кроме того, налаживание прочных связей с Москвой было бы серьезным преимуществом в борьбе Кромвеля против Карла II. Наконец, русский рынок представлял для Англии значительный экономический интерес. Вот почему, несмотря на настойчивые попытки шведского правительства и Речи Посполитой толкнуть Англию на путь агрессии против Русского государства, Кромвель эти попытки отверг. Тем не менее провокационные слухи, распространяемые главным образом представителями роялистской эмиграции и сторонниками свергнутой английской монархии, находившимися в Москве, о якобы агрессивных планах и замыслах Кромвеля против России оказали определенное отрицательное влияние на англо-русские отношения в период протектората.

²⁸ Приведенный текст содержится в записках современника этих событий краковского жителя М. Голинского (цит. по книге: И. П. Крип'якевич. Богдан Хмельницкий. Київ, 1954). Следует оговориться, что подлинность цитируемого источника некоторыми историками оспаривается. Но, рассматривая его в связи с изложенными выше фактами, учитывая внимание Кромвеля к борьбе запорожского казачества против Речи Посполитой, что засвидетельствовано многочисленными данными, собранными Терло об этой борьбе, принимая во внимание то, что современники считали этот документ посланием Кромвеля, мы все же склонны относиться к нему как к подлинному. О переписке между Хмельницким и Кромвелем упоминает, между прочим, и такой хорошо осведомленный деятель Речи Посполитой, как великий коронный канцлер Ян Станислав Яблоновский (1669—1731). См. J. St. Jabłonowski. Pamiętnik. Lwów. 1862, str. 81.

